

**ПОЛИТИКА АНГЛИИ
В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ НАКАНУНЕ
НАПАДЕНИЯ ГЕРМАНИИ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
(апрель — июнь, 1941)**

Со временем все яснее становится значение 22 июня 1941 г. как поворотного события во второй мировой войне, которое избавило Англию от весьма реальной перспективы полного разгрома не только на Британских островах, но и на других театрах борьбы с германским империализмом. Одним из них был район Восточного Средиземноморья, прикрывавший жизненно важные позиции британских монополий на Ближнем и Среднем Востоке. На пространстве от Проливов до Суэцкого канала весной и летом 1941 г. проходил основной фронт англо-германского противоборства. Его изученность в советской и зарубежной литературе явно недостаточна и оставляет место для фальсификации политического курса Англии накануне нападения Германии на СССР.

В данной статье на основе неопубликованных документов из британских архивов, а также малоиспользуемых изданных материалов, в частности переписки Черчилля и Рузвельта, исследуются общая направленность и конкретные цели политики Великобритании в Восточном Средиземноморье с начала апреля до конца июня 1941 г.

К концу марта 1941 г. в результате развития военно-политической борьбы фашистской Германии и империалистической Англии, а также совпадения их интересов на антисоветской основе и за счет балканских народов между Лондоном и Берлином было достигнуто взаимопонимание о недопущении военного столкновения в зоне Проливов и Малой Азии¹. Но переворот 27 марта в Югославии поставил под угрозу срыва англо-германский модус вивенди в этом районе, и снова усилилась опасность продвижения гитлеровцев на Ближний Восток через территорию Турции.

Тяжелое для англичан положение сложилось и на другом фланге средиземноморского театра — в Северной Африке. Воспользовавшись поражением Италии в Ливии немцы форсиро-

¹ Подробнее об этом см.: Чемпалов И. Н. Подготовка фашистской Германии к нападению на Югославию. — В сб.: Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1982; Чевтаев А. Г. Миссия Идена на Ближний Восток и Балканы весной 1941 г. — Там же.

вали создание корпуса «Африка», в конце февраля его авангард появился в Триполитании. Тогда можно было уничтожить эти слабые силы и овладеть всей Ливией, для чего англичанам хватило бы половины тех войск, что готовились к отправке на Балканы. К тому же на ближайшее время — весна и лето 1941 г. — гитлеровцы ставили скромную задачу: небольшими силами удержать Триполитанию, сохранить плацдарм для крупного наступления в Египет осенью 1941 г.²

Но сосредоточение четырех дивизий в дельте Нила и переброска первого эшелона экспедиционного корпуса в Грецию в марте были составной частью крупного замысла правительства Черчилля: предотвратить вторжение вермахта в Малую Азию и на Ближний Восток. Англичане серьезно ослабили фланг в Киренаике, оставив там неполную танковую и пехотную дивизию, не имевшие опыта боев.

В начале марта в Триполитании находились танковый полк немцев в 120 машин и мотодивизия итальянцев с 80 танками, и Роммель начал торопить Берлин с планом наступления. 12 марта Гальдер отметил возможность наступления на Тобрук, но в связи с расширением подготовки к операциям «Марита» и особенно «Барбаросса» штаб ОКХ доложил Гитлеру, что требования Роммеля превышают возможности снабжения. Все же Берлин разрешил атаку с ограниченной целью: овладеть районом Аджедабия в западной Киренаике, чтобы взять Тобрук осенью 1941 г.³

Корпус «Африка» и две итальянские дивизии начали наступление 31 марта. Накануне каирское командование просило у Лондона разрешения использовать для отражения возможной атаки части 7-й австралийской пехотной дивизии и польской бригады — третий эшелон британского корпуса в Грецию. Но правительство Черчилля все еще опасалось угрозы немецкого продвижения через Турцию и не разрешило использовать австралийцев и поляков в Киренаике⁴.

Успех сил оси превзошел все ожидания. Англичане панически бежали, за неделю оборона Киренаики рухнула, в плен попали танковая бригада и штаб командования фронта с генералами Нимом и О'Коннором. 9-я австралийская дивизия ушла из ловушки, но была окружена в Тобруке. Кроме умелого маневра, в победе Роммеля большую роль сыграло создание «ложных танков». Англичане приняли две его танковые брига-

² Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1969, т. 2, с. 331, 351, 353; КТВ ОКВ. Fr/M., 1962, Bd. 1, S. 300—301; The Rommel Papers. L., 1953, p. 87.

³ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 2, с. 410, 414; КТВ ОКВ, Bd. 1, S. 364; Ansel W. Hitler and Middle Sea. Durham, 1972, p. 122.

⁴ Churchill W. The Second World War. L., 1951, v. 3, p. 202—203; Collins R. Lord Wavell. L., 1953, p. 355—356; McClymont W. To Greece. Wellington, 1959, p. 121.

ды за крупные подвижные группировки из 3—4 танковых дивизий⁵.

Основной причиной поражения Англии в Северной Африке явился авантюризм политики и стратегии Черчилля в Средиземноморье весной 1941 г. Увлечшись борьбой на Балканах и в зоне Проливов, британское руководство пошло на риск потери своих позиций в Северной Африке. К тому же обстановка в зоне Проливов прояснилась только к 12 апреля. Гитлеровцы, направив свой удар на юг Балкан, оставили Турцию в покое, и 7-я австралийская дивизия и польская бригада остановили Роммеля. Позднее Черчилль и Иден пытались свалить вину за поражение в Ливии на каирское командование, утверждая, что «решение кабинета о помощи Греции основывалось главным образом на его (Уэйвелла.—А. Ч.) оценке положения в Киренаике 2 марта, которая была обнадеживающей»⁶. Однако, как видно из анализа политики Англии в Греции и Турции в феврале—марте 1941 г. и особенно целей миссии Идена в Восточное Средиземноморье⁷, эта оценка не играла существенной роли в принятии решения о посылке войск в Грецию. А отказ Черчилля использовать австралийцев и поляков для укрепления обороны Киренаики в конце марта позволяет сделать вывод, что главную вину за поражение в Западной Пустыне несет высшее военно-политическое руководство Англии.

Исход борьбы на ливийско-египетской границе в середине апреля оставался неясным. Немцы бросили в бой передовые части 15-й танковой дивизии, прибывшие в Ливию 8—10 апреля. Роммель настаивал на более значительных подкреплениях, чтобы использовать «невиданно благоприятную обстановку» для прорыва к Суэцкому каналу. Но штаб сухопутных сил указывал, что наступление от Эс-Саллума на Суэц требует столь значительной подготовки и привлечения таких крупных сил, что это несовместимо с выполнением главной операции вермахта в кампании 1941 г.—нападением на Советский Союз⁸.

В первые же дни наступления против Греции и Югославии гитлеровцы добились значительных успехов. 9 апреля они захватили Салоники и вышли в район горного прохода Битоль (Монастир), что создавало угрозу флангового обхода греческих сил, расположенных севернее линии Алиакмон, на которой находились союзные англо-греческие войска. С этого момента англичане, думавшие главным образом об отходе к побережью

⁵ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М., 1976, с. 124—125; Braddock D. The campaigns in Egypt and Libya 1940—1942. Aldershot, 1964, p. 32.

⁶ Cab 65/22, WM (41) 36 Gs, M1; Eden A. The Reckoning. The memoirs of the Earl of Avon. L., 1964, p. 240; Braddock D. The campaigns in Egypt..., p. 33—34.

⁷ Чевтаев А. Г. Миссия Идена на Ближний Восток и Балканы весной 1941 г.

⁸ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 2, с. 460—465.

и благополучной эвакуации, стали действовать сепаратно и отказались от прикрытия прохода на греко-югославской границе, хотя в их распоряжении имелись подвижные части, включая танковую бригаду. Цоспешное отступление британских сил на юг не только поставило под тяжелый удар греческие войска, сражавшиеся в Албании, но и привело к полному разгрому двух дивизий, входивших в Алиакмонскую группировку⁹.

13 апреля на совещании в штабе британского экспедиционного корпуса с участием Уэйвелла, срочно прибывшего из Каира, было решено спешно завершить подготовку к эвакуации первого эшелона британских сил. На другой день военный кабинет Англии, одоблив действия Вилсона и Уэйвелла, решил добиваться эвакуации правительства и короля Греции 'вначале на Крит, а затем на Кипр. Со своей стороны греческое командование стремилось поскорее избавиться от англичан, чтобы без помех капитулировать перед гитлеровцами. 16 апреля главнокомандующий греческой армии генерал А. Папагос предложил эвакуировать британский корпус «во избежание полного уничтожения страны». 17 апреля Лондон подтвердил намерение уйти из Греции и «как можно скорее» отправить правительство Греции, королевскую семью и некоторые боевые части греков на Крит. Уэйвеллу и Вилсону предлагалось обеспечить «добровольное согласие» греческой верхушки на эти требования¹⁰.

В связи с глубоким кризисом монархо-фашистского режима в Греции и его очевидной склонностью к капитуляции возникла опасность, что вторую часть замысла англичан — вывезти короля и правительство — не удастся выполнить. Но недаром Лондон и лично Черчилль заботились о том, кого назначить командующим британским корпусом в Греции. Генерал Вилсон был опытным человеком в таких делах. В конечном счете ему и Уэйвеллу удалось справиться с положением. Король Георг II, взявший на себя обязанности главы правительства после самоубийства А. Корициса, после краткого раздумья решил связать свою судьбу с западными странами, получив от Лондона обещание восстановить его на греческом троне после окончательного разгрома Германии. Особого выбора у него не было, по существу он оказался пленником англичан. 23 апреля, за день до начала эвакуации британских сил, королевская семья, правительство и золотой запас Греции были отправлены на Крит¹¹.

Хотя необходимость в первую очередь удержать фронт в Египте и Киренаике была очевидной и для правительства в Лондоне и для командования в Каире, решить эту проблему

⁹ McClymont W. To Greece, p. 203—207.

¹⁰ Cab 21/1182, WM (41) 41 Cs, M1; Cab 65/22, WM (41) 41 Cs, M2; Buckley Ch. Greece and Crete. L., 1952, p. 81; Koliopoulos J. Greece and the British connection 1935—1941. Oxford, 1977, p. 274.

¹¹ Buckley Ch. Greece and Crete, p. 106; McClymont W. To Greece, p. 366.

оказалось не просто. Тяжесть поражения в Северной Африке и скованность экспедиционного корпуса в 60 тыс. человек борьбой в Греции оказались гораздо более глубокими, чем допускали англичане. За успех своей военно-политической игры в зоне Проливов правительству Черчилля пришлось расплачиваться большим риском потери Египта и гибелью значительной части британского корпуса. Одновременно появилась опасность потери Ирака, Крита и перехода вишистской Сирии под германский контроль. Возникла острая нехватка войск буквально на всех фронтах средиземноморского театра.

18 апреля каирское командование получило подробные указания Черчилля относительно стратегии военно-политической борьбы в Средиземноморье и перечень приоритетов при выполнении задач всеми видами вооруженных сил. Выводы директивы гласили: «Конечная победа в Ливии на первом месте. Эвакуация из Греции на втором. Поддержание морской связи с осажденным Тобруком на третьем. Ирак пока можно игнорировать, а Критом заняться позднее»¹². При выполнении первой задачи особое внимание обращалось на необходимость прервать коммуникации противника между Италией и Триполитанией.

Однако ни правильность расстановки приоритетов, ни частичные успехи флота Каннингхэма на линии Неаполь — Триполи, в частности потопление 16 апреля конвоя противника с частями 5-й легкой и 15-й танковой дивизий немцев¹³, не могли изменить тяжелое положение, в котором Англия оказалась на средиземноморском театре в результате авантюризма политики Черчилля и стремления сохранить колониальные владения на Ближнем и Среднем Востоке.

Германия попыталась использовать неожиданно крупные успехи в Ливии и быструю оккупацию Греции и Югославии для нанесения в короткое время англичанам решающих ударов в Средиземноморье по сходящимся направлениям к дельте Нила. 25 апреля началась подготовка к операции «Меркурий» — захвату Крита. Поддержкой антианглийского восстания в Ираке и включением Сирии в общую схему борьбы гитлеровцы стремились создать предпосылки для изгнания англичан из Палестины, чтобы открыть путь на Каир и Суэц с севера¹⁴.

Второе направление должны были обеспечить германо-итальянские войска в Северной Африке. В конце апреля Гитлер и ОКВ стали благосклоннее смотреть на предложение осуществить стратегический прорыв к Суэцкому каналу весной

¹² Playfair I. The Mediterranean and Middle East. L., 1956, v. 2, p. 124.

¹³ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 2, с. 471; Cunningham A. A sailor's Odyssey. L., 1951, p. 345—346.

¹⁴ Грак В. Н. Франко-германское сотрудничество в период англо-иракского вооруженного конфликта. — В сб.: Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Свердловск, 1973, с. 120—140.

этого года. Поскольку ОКХ занимало более осторожную позицию, указывая на то, что «решающей должна быть операция «Барбаросса»¹⁵, 25 апреля в Ливию был направлен первый заместитель начальника генерального штаба сухопутных сил Ф. Паулус, чтобы со знанием дела определить характер и масштабы нового наступления, которое однако не должно было поставить под вопрос успех будущей кампании на Востоке. В конечном счете гитлеровское руководство разрешило дальнейшие атаки против Тобрука, но без переброски в Ливию значительных подкреплений¹⁶.

В конце апреля положение Англии в Средиземноморье стало критическим. Киренаика, Крит, Мальта, Гибралтар — все подвергалось серьезной опасности. 24 апреля Черчилль писал Рузвельту, что Испания и Португалия «могут в любое время капитулировать перед возрастающим давлением Германии и Гибралтар станет бесполезным». Он просил президента, как можно скорее направить в район Азорских островов эскадру атлантического флота США, что явилось бы «моральной поддержкой» английских планов овладения этими островами в случае перехода Франко на сторону Гитлера¹⁷.

Что касается Мальты, действия вражеской авиации резко понизили значение острова как воздушной базы. Несмотря на переброску сюда в апреле 50 истребителей и эскадрильи бомбардировщиков, Мальта не стала серьезным препятствием для коммуникаций противника. Только с началом переброски 10-го немецкого авиакорпуса из Сицилии на Балканы и далее к границам СССР вооруженные силы Мальты «получили свободу выбора времени и места для нанесения ударов по врагу»¹⁸.

Англичане ожидали близкой атаки немцев против Крита с последующей угрозой морского или воздушного десанта в Сирию. В случае такого успеха гитлеровцы «вскоре проникнут в Ирак и будут угрожать Палестине». Черчилль буквально умолял Рузвельта «оказать самое решительное давление на Виши, чтобы режим порвал с немцами, если те нарушат условия перемирия в Сирии, Марокко, Алжире или Тунисе»¹⁹. Это обращение англичан оказалось весьма своевременным. 28 апреля Германия потребовала от главнокомандующего вооруженных сил Виши адмирала Дарлана военного сотрудничества в Сирии и содействия через Тунис в поставках оружия и снаряжения для войск Роммеля.

Но наибольшую тревогу вызывал Египет — ключевой пункт военно-политического господства британского империализма не

¹⁵ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 2, с. 465.

¹⁶ Там же, т. 2, с. 480—499.

¹⁷ Centre of Military Archives (CMA). Ismay's Papers VI/2, p. 17.

¹⁸ Ричардс Д., Сондерс Х. Военно-воздушные силы Великобритании во второй мировой войне. М., 1963, с. 201—202.

¹⁹ CMA. Ismay's Papers VI/2, p. 20.

только в Средиземноморье, но и в северо-восточной Африке и на Ближнем Востоке. 28—29 апреля Черчилль в своих директивах в Каир признал возможность потери Египта, считая это «несчастьем первостепенного значения вслед за успехом вторжения немцев в Англию». Не желая отвлекать ресурсы, нужные для обороны дельты Нила, Черчилль разрешил не удерживать Крит любой ценой. Он считал, что, если сосредоточить все силы на удержании Египта и вернуть часть Киренаики с Бенгази, «необходимость сохранения Крита не будет столь важной»²⁰. С учетом возражения адмиралтейства правительство в конечном счете высказалось за «удержание острова до разумных пределов».

Серьезное беспокойство вызывала позиция Турции. В Лондоне настолько опасались предъявления ей немцами «опасных требований», что считали для себя вполне приемлемым результатом, если турки пойдут на любые уступки, кроме «реального пропуска значительного контингента войск через свою территорию». В конце апреля военный кабинет по рекомендации Идена принял «позицию сочувственного понимания точки зрения Турции»²¹. Это понимание состояло в том, что англичане, будучи в курсе дальнейших германо-турецких переговоров, не возражали против заключения формального договора между Берлином и Анкарой о дружбе и ненападении, поскольку он закрепил бы отказ немцев от продвижения через Малую Азию на Ближний Восток и подтвердил бы англо-германский модус вивенди в зоне Проливов.

В рамках указанного «понимания» Лондон еще раз откровенно признал, что его «основное требование к Турции» в момент нападения гитлеровцев на Грецию и Югославию «заключалось в том, чтобы она оставалась благожелательно нейтральной и не примкнула к Германии. Англии было невыгодно вступление Турции в войну»²². Но оно было столь же невыгодным и для Германии, поскольку могло оказать поддержку грекам и связать руки гитлеровцам на Балканах. Именно в этом вопросе — неучастие Турции в войне весной 1941 г. — заключался главный пункт англо-германского взаимопонимания.

Неучастие Анкары в войне, указывалось в меморандуме Идена, должно и дальше оставаться главной целью политики в отношении Турции. При этом нельзя брать на вооружение тактику жесткой линии — обвинять турок в невыполнении своих обязательств в прошлом или требовать разрыва отношений с Германией в данный момент. Следует принять линию «гибких поводов»: не только отказаться от давления на них в

²⁰ Public Record Office. Personal Archives of the Prime Minister of W. Churchill (PREM) 3/296/2.

²¹ Cab 66/15, WP (41)77, 26/IV 1941.

²² Ibid., p. 246.

связи с их торговыми отношениями с Германией, но и «принять пассивность позиции Турции политически и стратегически»²³. Этим решением военный кабинет признал роль Анкары в качестве буфера между районом военного господства Германии на Балканах и сферой имперско-колониального господства Англии на Ближнем Востоке.

Обстановка, сложившаяся в Средиземноморье, заставила Черчилля 30 апреля обратиться к Рузвельту с настоятельной просьбой расширить материальную и морально-политическую поддержку англичанам в этом районе. Особое внимание было уделено Турции. Опасаясь, что будущий германо-турецкий договор, вопреки усилиям Лондона, может стать ширмой, под прикрытием которой немцы без помех выйдут к границам Сирии и Ирана, Черчилль просил президента оказать воздействие на Анкару в нужном направлении. «Мы будем довольны,— писал он,— если Турция останется *неповрежденным буфером* (выделено мной.— А. Ч.), прикрывающим, пусть пассивно, наш восточный фланг в Египте»²⁴.

В ответном послании 1 мая Рузвельт прежде всего поддержал в целом политику Англии в Восточном Средиземноморье: «Вы совершили не только героическую, но и очень полезную работу в Греции, и территориальные потери более чем компенсированы необходимостью значительной концентрации немцев и их конечными потерями в людях и технике»²⁵. Последнее замечание было скорее моральным поощрением за ту «хорошую работу», которую англичане делали не только для себя, но и для США, а между тем президент ничего не сказал, как он намерен компенсировать гораздо большие, чем у противника, потери Англии в апрельских боях.

Рузвельт не стал скрывать своего пессимизма относительно ближайших перспектив развития ситуации в районе от Гибралтара до Мосула. Если немцы захватят Гибралтар, ничто уже не помешает им «овладеть Тунисом, Алжиром и Марокко вплоть до Касабланки». Сирийскую проблему, о которой также беспокоился Черчилль, Вашингтон считал идентичной вопросу о Северной Африке с точки зрения реального влияния западных держав на Петэна: «Не думаю,— писал президент,— что есть шанс заставить Виши разорвать с немцами, если последние вторгнутся в Сирию или Северную Африку»²⁶.

Не совсем оправдались ожидания Лондона в ответ на просьбу оказать воздействие на турок. «В отношении Турции,— отметил Рузвельт,— боюсь, что мы мало можем сделать, кроме того, чтобы подбодрить их морально и разрешить вам посылать

²³ Ibid., p. 246—247.

²⁴ CMA. Ismay's Papers VI/2, p. 20.

²⁵ Roosevelt and Churchill. Their secret wartime correspondence. L., 1975, p. 138.

²⁶ Roosevelt and Churchill... , p. 139.

им столько снаряжения, сколько вы сумеете выделить из американских поставок, идущих в Красное море»²⁷. Это была осторожная поддержка позиции англичан в борьбе за Анкару без обещания специальных поставок для удержания Турции в роли буфера, на что намекали из Лондона.

Что же касается общей оценки Вашингтоном значения борьбы Британской империи на средиземноморском театре войны, то и она не совпала с мнением Черчилля. «Я доволен,—говорилось в послании Рузвельта,—что здесь и среди британской публики растет понимание того, что, даже если вы будете вынуждены и *далее отступить в Восточном Средиземноморье* (выделено мной.—А. Ч.), то все же не допустите сколько-нибудь серьезной паники или капитуляции и что в конечном счете контроль путей в Индийском океане и Атлантике обеспечит в свое время победу в войне»²⁸.

Правительство Англии не увидело в этом ответе серьезной и искренней поддержки, особенно если учесть, что послание президента заканчивалось фразой «Продолжайте нужную работу», но не содержало никаких обещаний расширения материальной поддержки этой «работы». Здесь сквозила слишком большая готовность примириться с полной потерей Восточного Средиземноморья и даже части Ближнего Востока²⁹. Поэтому Черчилль в своем ответе 3 мая откровенно заметил: «Нельзя слишком легковесно полагать, что последствия потери Египта и Ближнего Востока не будут тяжелыми. Они серьезно увеличат трудности в Атлантике и на Тихом океане и значительно удлинит войну». Полемизируя с президентом о роли Средиземноморья в общей перспективе мировой войны, Черчилль утверждал, что «позиция Испании, Виши, Турции и Японии возможно окончательно определится исходом борьбы на этом театре». Потеря Египта и Ближнего Востока не станет просто прелюдией к будущему «успешному ведению океанской войны». Если вся Европа, большая часть Азии и Африка станут либо путем завоевания, либо диктата частью системы оси, то «война, которую ведут Англия, США, Канада и Австралия против этого гигантского объединения, будет тяжелой, длительной и мрачной перспективой»³⁰.

Недовольный молчанием президента в отношении расширения помощи непосредственно на Ближний Восток, Черчилль еще больше заостряет вопрос о месте средиземноморского театра в мировой борьбе империалистов: «Если вы не сможете занять более решительную позицию сейчас или в ближайшем будущем, соотношение сил может еще больше измениться не в нашу пользу. Единственный решающий противовес, который,

²⁷ Roosevelt and Churchill..., p. 139.

²⁸ Ibid., p. 138.

²⁹ Ibid., p. 139—140.

³⁰ CMA. Ismay's Papers VI/2, p. 24.

на мой взгляд, может сбалансировать растущий пессимизм в Турции, на Ближнем Востоке и в Испании, заключается в том, чтобы *США немедленно встали* рядом с нами как воюющая страна» (выделено мной. — А. Ч.)³¹.

Таким образом, Лондон ставил вопрос о немедленном объявлении США войны Германии. И не столько в связи с «растущим пессимизмом» в названных странах, но прежде всего по причине угрозы потери англичанами Восточного Средиземноморья — с середины апреля до середины мая 1941 г. она представлялась вполне реальной. Если же вступление США в войну будет реальным, писал Черчилль, Англия не сомневается, что она сможет удержать положение в Средиземноморье до «того момента, когда сила вашего оружия приведет к повороту в борьбе»³². Англичан устраивало даже обещание скорого вступления США в войну, чтобы удержать Восточное Средиземноморье в своих руках.

Но в действительности это удержание оказалось связанным не с возможностью вступления США в войну, а с приближением срока нападения Германии на СССР, в связи с чем гитлеровцы не смогли осуществить захват этого района. Своим призывом Черчилль объективно мог получить США как полностью воюющего союзника на период после «Барбароссы». Это подтверждается тем фактом, что предложение Черчилля даже не обсуждалось в военном кабинете. В сущности это был пробный шар в отношении будущего, а для настоящего, т. е. для борьбы за Восточное Средиземноморье весной 1941 г., это был ход по принципу «просить максимально, чтобы получить реально необходимое».

Именно так восприняли в Вашингтоне обращение из Лондона. В своем ответе в тот же день Рузвельт даже не упомянул возможность вступления США в войну, но смягчил резкую оценку значения и последствий полного поражения англичан в Восточном Средиземноморье весной 1941 г.: «Я не хотел ни в коей мере принизить тяжесть положения, особенно в Средиземноморье. Я хорошо сознаю его большое стратегическое значение и разделяю ваше беспокойство в отношении него... Я приказал, чтобы поставки достигли Ближнего Востока как можно раньше. 30 судов мобилизованы и направляются туда в ближайшие недели. Мы намерены посылать туда корабли вплоть до окончательной победы в Средиземноморье»³³. Действительно уже в начале лета американское снабжение пошло непосредственно на Ближний Восток, и в этом смысле послание Черчилля достигло цели.

Но Вашингтон не изменил своего мнения о роли этого теат-

³¹ Ibid., p. 24—25.

³² Roosevelt and Churchill . . . , p. 139—140.

³³ Ibid., p. 141.

ра в мировой войне. Потеря Средиземноморья, писал Рузвельт, не будет означать поражения общих целей Англии и США. Исход борьбы решится в Атлантике, и, пока Гитлер не выиграет там битву, он не сможет победить в конечном счете³⁴. Рузвельт знал о приближении срока операции «Барбаросса» и потому столь хладнокровно относился к судьбе Средиземноморья. В любом случае движение вермахта на Восток или юго-восток отодвигало исход битвы за Атлантику и тем более за западное полушарие.

Полемика Черчилля и Рузвельта о роли средиземноморского театра в мировой борьбе получила своеобразный отклик у высшего военного руководства Англии. Комитет начальников штабов в памятной записке 7 мая отметил, что в словах «Само существование Англии зависит от успеха обороны Египта» из директивы Черчилля 28 апреля содержится явное преувеличение. «Нет сомнения,— писали начальники штабов,— что Англия будет существовать до тех пор, пока противнику не удастся осуществить успешное вторжение в нашу страну и нанести поражение в битве за Атлантику»³⁵.

Замечание комитета начальников штабов, как и аналогичное мнение начальника имперского генштаба Дж. Дилла в его записке Черчиллю 13 мая, не означало принципиальных разногласий в британском руководстве в оценке роли данного театра в той борьбе, которую вела Британская империя. Английские стратеги были согласны с премьер-министром в том, что «потеря Египта и Ближнего Востока оказалась бы для нас величайшей катастрофой» и что армия в дельте Нила «должна сражаться, не помышляя об отступлении или эвакуации». Но высшее руководство страны должно понимать, что оставление Египта может стать реальным фактом и что армия Уэйвелла должна быть готова к отступлению «на следующую линию обороны»³⁶. Правда, это был бы наихудший вариант в стратегических расчетах Лондона. Более вероятной представлялась Диллу возможность удержания Египта, так как «наступление немцев на Ближнем Востоке уже достигло своего предела».

Этот предел определяется главным замыслом Германии в кампании 1941 г. и всей мировой войны. Поскольку сходу, одним стратегическим ударом из Ливии не удалось прорваться к Суэцкому каналу, перед гитлеровцами встал вопрос о более глубокой взаимосвязи операций в Средиземноморье и плана «Барбаросса». В Берлине явно не хотели рисковать кампанией на Востоке. 14 мая Гитлер принял предложение ОКХ провести осенью 1941 г., после осуществления плана «Барбаросса», стратегическую операцию по овладению Египтом и Суэцким кана-

³⁴ Roosevelt and Churchill..., p. 141.

³⁵ PREM 3/296/2, p. 52.

³⁶ Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М., 1959, с. 531.

лом силами четырех танковых и трех моторизованных немецких дивизий³⁷.

Поэтому завершающие события этого периода борьбы англичан — критская операция в конце мая, вступление британских сил и свободных французов в Сирию в начале июня и подписание германо-турецкого договора о дружбе и ненападении 18 июня — имели иное значение, нежели военно-политические действия Англии в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке с начала апреля до середины мая 1941 г.

Выше отмечалось, что британское руководство в конце апреля исходило из того, что Крит можно оставить в случае серьезной атаки противника. К тому времени англичане, взявшие оборону острова на себя, имели на Крите 5 тыс. солдат, в том числе только 3 батальона пехоты, основной силы в борьбе с вероятным воздушным десантом немцев. К началу мая на Крит как промежуточный пункт было эвакуировано из Греции 30 тыс. новозеландцев, австралийцев и англичан, которых решили использовать для обороны острова³⁸. В середине мая Уэйвелл направил сюда некоторое количество полевых орудий, доведя их общее число до 50, но зато вывел с Крита всю авиацию, возложив задачу отражения воздушного десанта только на ПВО, которая справиться с ней не могла.

Важной причиной такого отношения к обороне острова, помимо нехватки живой силы и оружия на театре войны, была общая направленность политико-стратегической концепции борьбы Лондона за удержание этого района, ведущим звеном которой являлось взаимопонимание с Германией относительно сфер военно-политического господства обоих противников на Балканах и Ближнем Востоке. Несмотря на осложнения в выполнении этого взаимопонимания в конце марта — начале апреля и резкого ухудшения обстановки в Восточном Средиземноморье, англичане все же надеялись удержать здесь свои позиции путем сохранения Турцией роли «неповрежденного буфера» и спешного укрепления обороны Египта и Киренаики. При этом реальное стратегическое значение Крита как аванпоста британских позиций на Ближнем Востоке заметно снижалось. Вот что лежало за строкой директивы Черчилля «Критом заняться позднее».

Немцы не предполагали, до какой степени остров оставался незащищенным, и потому не включили его в план десантных операций в директиве № 26 от 3 апреля, где речь о захвате Лемноса, Тасоса и Самофракии. Быстрое крушение обороны Киренаики и весьма поспешное отступление англичан из Греции поставили овладение Критом в порядок дня³⁹.

³⁷ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 2, с. 523, 528, 534.

³⁸ Cab 66/16, WP (41)155; PREM 3/109.

³⁹ О подготовке гитлеровцами операции против Крита см.: Buckley Ch. Greece and Crete, p. 149—167; Spencer J. Battle for Crete. L., 1962.

Первоначально смысл операции «Меркурий» состоял в том, чтобы Крит стал плацдармом для последующих действий против Сирии и Палестины. Операция становилась важным звеном второго удара в направлении Суэцкого канала. Именно в конце апреля Берлин, разрешив Роммелю стратегическое наступление в Киренаике и Египте, спешно перебрасывал корпусу «Африка» воздушным путем части 15-й танковой дивизии ⁴⁰.

Но к середине мая стало очевидно, что овладеть Египтом на этом уровне действий невозможно, а значительное расширение масштабов операций в Северной Африке и Восточном Средиземноморье могло поставить под угрозу планы на Востоке. Поэтому отпало указанное выше значение захвата Крита. Но остался еще один очень важный расчет гитлеровцев — закрыть Эгейское море, исключить возможность действий британского флота через Проливы в поддержку СССР. «Прежде чем напасть на Россию, — пишет греческий историк С. Лавра, — для Германии было настоятельно необходимым обеспечить свой фланг. Оккупацией Крита Гитлер хотел закрыть морской путь через Дарданеллы» ⁴¹. Тем самым закрывался один из важных путей связи между двумя будущими участниками антигитлеровской коалиции.

Операция «Меркурий» началась 20 мая высадкой воздушно-го десанта. Несмотря на малочисленность гарнизона острова и его крайне слабое вооружение, защитники сражались упорно, и первые три дня ситуация оставалась неясной. Даже небольшая помощь оружием и воздушная поддержка из Египта могли поставить гитлеровцев перед сложной проблемой, тем более что флот Каннингхэма уничтожил морской десант противника с тяжелым снаряжением. Но Уэйвелл не оказал помощи гарнизону, и 23 мая наступил перелом в пользу атакующих, а 27 мая началась эвакуация британских сил под непрерывными ударами противника. Она закончилась 1 июня. Потери защитников, две трети которых составляли солдаты Австралийско-Новозеландского армейского корпуса, составили 4 тыс. убитых и свыше 12 тыс. пленных. 15 тыс. было вывезено в Египет ⁴².

Захват Крита стал последней операцией вермахта на этом театре перед походом на Восток. Символично, что именно 23 мая, когда в результате успеха немецкого десанта в секторе Малем овладение Критом было практически обеспечено, Гитлер подписал директиву № 30, в основе которой лежали указанные выше предложения ОКХ 14 мая. Стратегическое наступление на остатки британских позиций в Средиземноморье планировалось

⁴⁰ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 2, с. 488—489.

⁴¹ Lavra S. The Greek miracle. N. Y., 1943, p. 104.

⁴² Buckley Ch. Greece and Crete, p. 291; Davin D. Crete. L., 1955, p. 486.

провести осенью 1941 г. после успешного, как надеялись в Берлине, завершения операции «Барбаросса»⁴³.

В мае—июне 1941 г. все основные политические и военные проблемы Англии в Средиземноморье — отношения с Турцией, положение в Сирии, удержание Западной Пустыни и подготовка контратаки в Киренаике, вопрос о Крите — рассматривались правительством Черчилля через призму приближавшегося нападения Германии на СССР. Еще в конце апреля — начале мая опасения «ухода Турции под немецкий контроль» связывались с возможным продвижением крупных сил вермахта в Ирак, Сирию и Палестину. Военные власти в Лондоне обсуждали вопрос, как замедлить помощь в сооружении аэродромов в Турции, чтобы Анкара не поняла смысла этого замедления и в то же время ничего готового не попало бы в руки противника⁴⁴.

К середине мая англичане получили новую информацию о замыслах Германии на Востоке. 16 мая Черчилль в послании лидеру Южно-Африканского союза Я. Смэтсу писал: «Похоже что Гитлер сосредоточивается против России. Идет бесконечное движение сухопутных войск, танковых сил и авиации с Балкан, а также из Франции и Германии на Восток. Полагаю, что его (Гитлера. — А. Ч.) лучший шанс — напасть на Украину и Кавказ и обеспечить таким образом зерно и нефть»⁴⁵.

Конечно, и после этого оставалась опасность слишком тесного сближения турок с Берлином. Во второй половине мая гитлеровцы энергично нажимали на Анкару, добиваясь не только подписания договора о дружбе, но и секретного соглашения о провозе немецкого оружия и военных материалов, а также военного персонала через турецкую территорию⁴⁶. И все же в Лондоне увереннее смотрели на обстановку в этом районе. Отвечая на беспокойство своих военных советников о возможности вторжения немецких войск в Ирак или дельту Нила, Черчилль в записке комитету начальников штабов 27 мая отметил, что «наступление противника через Турцию и/или Сирию в скольконибудь крупных размерах не может быть предпринято в ближайшие несколько недель, в ходе которых *события могут сделать это наступление невозможным*» (выделено мной. — А. Ч.)⁴⁷. Очевидно, что под «событиями» он имел в виду предстоявшее нападение Германии на СССР.

В том же документе премьер-министр дал понять, что он почти не сомневался в потере Крита и сожалеет только о значительной потере в живой силе. Если в ближайшее время про-

⁴³ DGFP, ser. D, v. 12, p. 862.

⁴⁴ FO. 371/30099, R 5126/274/44.

⁴⁵ CMA. Ismay's Papers VI/2, p. 31.

⁴⁶ Документы министерства иностранных дел Германии. М., 1946, вып. 2. Германская политика в Турции 1941—1943, с. 11—12.

⁴⁷ Cab 79/55, COS (41)15, p. 149.

тивник развернет такую же атаку против Кипра, остров не следует удерживать⁴⁸. Такое хладнокровное отношение к возможной потере еще одного стратегически важного пункта определялось тем, что Черчилль видел в этих действиях гитлеровцев не прелюдию к близкому наступлению на Ближний Восток, а заключительные операции по обеспечению южного фланга будущего германо-советского фронта перед паузой на средиземноморском театре.

Еще один факт свидетельствует, что именно на операции «Барбаросса» Черчилль строил свои замыслы в Средиземноморье в мае — июне 1941 г. Я. Смэтс, несмотря на упомянутую информацию, не был уверен, что наращивание немецких войск на границе с СССР свяжет руки Гитлеру в Средиземном море и на Ближнем Востоке. Опасаясь за сирийско-турецкий фланг, он предлагал в конце мая в перечне приоритетов каирского командования дать Сирии первое место и поставить ее перед Киренаикой. 4 июня Черчилль заметил своим военным советникам, что нет необходимости делать это. «Новейшая и наиболее секретная информация, к которой Смэтс не имел доступа», свидетельствовала, что сирийское направление действий гитлеровцев не представляло серьезной опасности⁴⁹. Начало вывода германского персонала и самолетов из Сирии 3—4 июня подтверждало вывод Черчилля, что Германия полностью занялась походом на Восток.

Поэтому англичане спокойнее смотрели на обсуждение Берлином и Анкарой условий договора о дружбе, обдумывая пути расширения своего влияния в Турции. Отвечая на вопрос Форин Оффиса, посол Хьюджессен 24 мая отметил: «...наши позиции в Турции определяются прежде всего военной обстановкой в Восточном Средиземноморье, а также в Египте, Сирии и Ираке, нашей неспособностью посылать туркам достаточное количество военных материалов»⁵⁰.

Обсуждались две формы повышения британского престижа в Турции. Военное министерство предложило послать новую миссию связи наподобие той, которую выполняли в январе — феврале 1941 г. Маршалл-Корнуолл и Элмхерст, а Форин Оффис выдвинул идею инфильтрации в Турцию хорошо подготовленного военного персонала в гражданской одежде по типу германского проникновения в Болгарию перед вступлением туда вермахта. Но оба предложения оказались несостоятельными. По мнению Хьюджессена, «турки воспримут идею посылки миссии как попытку отвлечь их от более важных вопросов, если не как попытку скомпрометировать их перед Германией»⁵¹. По поводу второго предложения Хьюджессен заявил 14 июня: «Ана-

⁴⁸ Cab 79/55, COS (41) 15, p. 149.

⁴⁹ Ibid., p. 152.

⁵⁰ FO. 371/30099, R 5559/10/44.

⁵¹ Ibid., R 5743/10/44, R 5753/10/44.

логия с германской инфильтрацией не применима в данном случае. Немцы действовали с согласия и сотрудничества, если не всего правительственного механизма, то, по крайней мере, его влиятельных сфер, чего нет у нас в Турции. Такая попытка вызовет подозрение и возмущение, возникнет впечатление, что мы не доверяем туркам»⁵².

Таким образом, в обстановке завершения подготовки германо-турецкого договора Лондон занял в отношении Анкары вполне лояльную позицию. Англичане считали, что в связи с решающим замыслом гитлеровцев на Востоке Берлин согласится на сохранение Турцией роли буфера между Англией и Германией. Именно это имел в виду Хьюджессен в письме в Форин Оффис 14 июня: «Турция по собственному убеждению делает много, чтобы помочь нам и поддержать нас»⁵³. Посол считал, что англо-турецкий договор останется в силе.

18 июня 1941 г. был подписан германо-турецкий договор о дружбе и ненападении. Правящие круги Запада не скрывали своей радости по поводу того, что этот договор подтверждал намерение гитлеровцев напасть на СССР, а не двинуться на Ближний Восток. Британская пресса не постеснялась признать, что «в Лондоне приветствуют германо-турецкий пакт» и что «Турция лояльна в отношении Англии»⁵⁴. Откровеннее высказалась печать США. «В момент, когда Германия подготовилась к нападению на СССР,— писала влиятельная американская газета,— германо-турецкий пакт означает изоляцию СССР. Авторитетные круги в Лондоне утверждают, что турецкое правительство держало их в курсе всего хода переговоров. Здесь не опасаются, что этот документ позволит Гитлеру потребовать прохода германских войск через Турцию в Сирию или Ирак»⁵⁵.

В Лондоне не опровергли этих утверждений. Действительно, военный кабинет не выразил даже той озабоченности, которая сопровождала его согласие с первой крупной акцией, отразившей англо-германское взаимопонимание в борьбе за Турцию — болгаро-турецкой декларацией о ненападении 17 февраля 1941 г. При обсуждении договора между Берлином и Анкарой в военном кабинете 25 июня Иден подчеркнул, что «сохранение силы англо-турецкого договора специально оговорено в преамбуле недавнего германо-турецкого пакта». Кабинет решил «сохранить нынешний приоритет Турции в военных и гражданских поставках и их нынешний уровень». В списке приоритетов британского комитета координации поставок союзникам Турция шла непосредственно за каирским командованием, опережая Китай и весь Дальний Восток и Юго-Восточную Азию, включая доминионы: Австралию и Новую Зеландию. Пересмотр это-

⁵² Ibid., R 5753/10/44, R 5774/10/44.

⁵³ Ibid., R 6162/10/44.

⁵⁴ Times, 1941, 19 Jun.

⁵⁵ New York Herald Tribune, 1941, 19 Jun.

го положения допускался лишь в том случае, «если турки примут новые германские требования и откажутся сопротивляться» военному нажиму⁵⁶.

Итак, изучение политики Англии в Восточном Средиземноморье накануне нападения Германии на Советский Союз позволяет сделать следующие выводы. В результате англо-германского взаимопонимания о размежевании сфер господства в зоне Проливов Лондон обеспечил в начале апреля 1941 г. прикрытие своих ближневосточных позиций со стороны малоазийского направления. Но гитлеровцы в связи с крупными успехами в Ливии и быстрой оккупацией Греции и Югославии попытались нанести удары через Крит, Сирию и Палестину, а также из Киренаики в направлении Суэцкого канала. Положение Англии в Восточном Средиземноморье стало критическим.

В такой обстановке правительство Черчилля, учитывая заинтересованность немцев в прочности будущего германо-советского фронта, сделало ставку на сохранение англо-германского модус вивенди в Малой Азии. Англичане согласились на заключение договора о дружбе и ненападении между Германией и Турцией, поскольку он закреплял отказ гитлеровцев от продвижения в ближайшие месяцы через эту страну. Лондон согласился на оставление Крита, а в перспективе и Кипра, так как рассматривал эти действия немцев не как прелюдию к броску в Палестину и Египет, а как закрепление ими своих позиций в Эгейском море и обеспечение южного фланга операции «Барбаросса».

В военном плане англичане сосредоточились на удержании Египта, ибо эта зона борьбы осталась вне англо-германского взаимопонимания и наступление Роммеля грозило прорывом войск оси к Суэцкому каналу. Для обороны своих позиций в дельте Нила Черчилль обратился к Рузвельту с просьбой расширить военные поставки США на Ближний Восток, и такая помощь была оказана.

И все же главным фактором сохранения британских позиций в Восточном Средиземноморье стали не совместные усилия Англии и США, а неспособность гитлеровцев выделить на этот театр войны даже одной танковой бригады, тем более дивизии, ибо все усилия фашистской Германии сосредоточились на завершении подготовки к агрессии против СССР.

⁵⁶ Cab 66/17, WP (41) 138, 20/VI 1941; Cab 66/17, WP (41) 141, 25/VI 1941.